

В Метрополитен-опера говорят и поют по-русски

Известия — 1999, 24 июня — С.5

Наталья Игоревна ПУШКИНА, праправнучка Александра Сергеевича, прилетела в Москву на открытие в подмосковных Бронницах надгробного памятника ее деду А.А. Пушкину, долгие годы возглавлявшему тамошнюю земскую управу. В прошлом москвичка, выпускница Института кинематографии, до него — театрального училища. Живет в Нью-Йорке, куда уехала за мужем, уже 20 лет художник-гример Метрополитен-опера.

— Знаю, что у вас в Америке было трудное начало: без языка, работали продавщицей, потом везение — гример в Сити-опера. И вот переход в Метрополитен. Вас это не ошеломило — первый оперный театр мира, масштабы, сонм великих?

— Нисколько. Дело тут не во мне, а в менталитете американцев. Во-первых, у них нет постыдных или, напротив, благородных профессий. Любое место службы позволяет жить достойно. Во-вторых, профессионализм и уживчивость сразу делают тебя своим, то есть человеком равных с ними возможностей. Штаты — не Франция, не Италия, где, будь семи пядей во лбу, все равно останешься чужаком.

— Начнем с самой вашей работы...

— В гримерном отделе нас всего четверо, гримируем только «принсипалз» — солистов. Это, наверное, сотни певцов, все лучшие голоса мира. Хор, кордебалет, миманс гримируются сами. Наш рабочий день, вернее, день в театре — с 9—10 утра и до ночи. Сперва репетиции, вечером спектакль, и каждую минуту вы обязаны быть в состоянии — как это перевести, если буквально — социальной активности. Я, правда, отвоевала себе право читать, когда свободна. Обещала: один раз не услышу объявления внутреннего радио — брошу. Поэтому читаю всякую ерунду, а уши и руки — на изготовке. Отдыхаем только в воскресенье.

— Ну и режим!

— И так ежедневно, месяцами. Но, знаете, приходишь в общий ритм. Американцы — трудоголки, работа для них — святое. Вы никогда не догадаетесь, что человеку плохо, нездоровится. Бездельников, не имеющих точного круга обязанностей, нет — значит, если я буду отлеживаться, на коллегу ляжет моя нагрузка. Болезнь — это у нас целая трагедия.

— Вы сами создаете «образ» грима или выполняете заказ?

— Естественно, мы знаем сюжет, сценарий, героев. Дизайнер спектакля предлагает общую идею, дизайнер по костюмам — черты эпохи. А дальше работает мое чутье, опыт, вкус. И еще лицо актера, даже характер. Бывает, он, она любят поболтать, мышцы в беспрепятственном движении, дело затягивается, а времени в обрез. Но я никогда не позволяю себе замечания, даже просьбы. Мало ли что мне трудно! Мы работаем на певца, а он готовится к тяжелому публичному испытанию, он нервничает.

— Простите за совсем прозаический вопрос: где едят знаменитости? Особый буфет, кафе?

— Что вы! Все вместе, но редко, потому что перед спектаклем не каждый разрешает себе это. Чай, яблоко в грим-уборной — и все. Петь лучше на пустой желудок.

— Как складываются ваши отношения со звездами?

Наталья Пушкина с удовольствием гримирует российских певцов в Метрополитен-опера

— Мне их слава не мешает и не смущает, надо отделять жизнь от сцены. Я восхищаюсь голосом, игрой, а без грима они обычные люди, разные, со своими достоинствами и недостатками. Что до американцев, то с ними вообще удобно работать. Уважая твое личное, частное, твое «прайвеси», никто не ле-

зет в душу. Принято посмеиваться над деланной американской улыбкой. И напрасно. Она куда человечнее, чем искренняя угрюмость. В нашем театре нет служебных дистанций, но есть некая граница, которая соблюдается всеми. Надо быть немножко на расстоянии. Ровная атмосфера, особенно в теат-

ре, — великая вещь. Симпатии, неприязнь, обида, претензии — все надо сдерживать. Мне приходилось постоянно себя контролировать, пока не уяснила: на службе должно легко дышаться, и ни у кого нет права создавать повод для нарушения этого порядка. Прежде всего — права на капризы.

— Но в представлении публики звезда на то и звезда, чтобы свое нравничать.

— Только не в Метрополитен! Все помнят скандал с Кэтти Баттл. Очень красивая чернокожая певица, великолепное сопрано и — совершенно вызывающее поведение. Всякий раз ждали: придет, не придет? Являлась буквально за несколько минут до открытия занавеса. Мы все на нее кидались, что-то малевали, застегивали. Однако начальство никак не ставило точку, боялись, что могут обвинить в расизме. В конце концов все же разорвали контракт. А ссора с Метрополитен — конец карьеры. Так оно и произошло.

— Вы замечаете какие-то национальные особенности в манере вести себя, общаться?

— Для профессиональных контактов я предпочитаю англичан, ценю их сдержанность, такт. Немцы дружелюбно холодны, порой грубоваты. Итальянцы тоже не особенные джентльмены, многие великие певцы так и остаются провинциалами, неотесанными и напыщенными от сознания своей уникальности.

— У вас есть особо почитаемые актеры?

— Пласидо Доминго. Интеллигент, редкий трудяга. Несказанно богат, но вкалывает просто жаростно, не жалея себя. Сегодня — Герман в «Пиковой», завтра — «Богема» в Атланте, послезавтра опять в Нью-Йорке, дирижирует «Кармен». Он и в Москву на пушкинский концерт на Красной площади прилетал на день ради одной сцены из «Пиковой дамы». В Метрополитен роли исполняются только на языке оригинала, Доминго долбил русский по несколько часов в день. И как выучил! Я ему долго объясняла, что означает «ни пуха, ни

пера», и он стал, уходя на сцену, говорить «к черту».

— Теперь у вас подолгу гастролируют русские. Как их принимают?

— О, это отдельный и, должна сказать, приятный разговор. Их любят. Ну, прежде всего, Гергиев, несколько странно именуемый «приглашенный постоянный дирижер». А может, и не странно, поскольку ему все прочтат место главного. Правда, сомневаются, оставит ли он Мариинку. Гергиев обычно привозит свой Санкт-Петербургский состав. В американской «Пиковой даме» поют Горчакова, Бородина, Путилин, Хворостовский. Все приезжие российские певцы знамениты в мире, поют на европейских языках, и, замечу, платят им здесь, как нигде. В театре очень уважают Хворостовского — за коммуникабельность и прекрасный английский.

— И ничем наши не выделяются в вашей метрополитеновской «комьюнити»?

— Как сказать... У нас есть «зона солистов», это зал с креслами для отдыха между выходами. Могут там быть и дублиеры третьего состава на случай ЧП, но они считают безтактным сидение в «зоне». Вроде получается, что ждущий кто-то неловко поскользнулся или у кого-то голос сел и им можно будет выйти на сцену. Поэтому уходят в буфет или еще куда-нибудь. Сами солисты в перерыве тоже расходятся по своим уборным. А наш российский народ весь здесь. Шум, анекдоты... Американцы не то что раздражаются, нет, — они недоумевают. Что поделаешь, особенность национального характера, прирожденный коллективизм. Да не в том суть! А в том, что русские, русский язык стали привычными в стенах Метрополитен-опера.

Элла МАКСИМОВА